

УДК 070

ФЕНОМЕН МОБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА ВОКРУГ СМИ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

Р.В. Даутова

Аннотация

В статье дается анализ различных факторов, повлиявших на развитие региональной и российской журналистики в период, вошедший в историю России как период хрущевской «оттепели». Рассмотрена такая форма мобилизации общества вокруг СМИ, как рабселькоровское движение и развитие так называемых общественных начал в журналистике. На примере деятельности СМИ ТАССР дается сравнительная характеристика участия внештатных авторов в печати, телевидении и радио.

Ключевые слова: рабселькоровское движение, общественные начала, партийная печать, внештатные авторы радио и телевидения, рабселькоровский пост, читательские конференции, обзоры низовой и районной печати, рабселькоровские совещания, письма в редакцию, контакт с массовой аудиторией.

Анализ периода, вошедшего в российскую историю как хрущевская «оттепель», необходим для понимания закономерностей развития как российской журналистики в целом, так и региональной в частности. При пристальном рассмотрении деятельности провинциальных газет и журналов, радио и телевидения в хрущевское десятилетие, прежде всего, привлекает внимание такая форма мобилизации общества вокруг СМИ, как рабселькоровское движение и развитие так называемых общественных начал в журналистике. Изучение феномена мобилизации общества вокруг СМИ в период хрущевской «оттепели» трудно назвать достаточным. Исследователи, как правило, акцентируют свое внимание на становлении и первых этапах развития рабселькоровского движения. Между тем его развитие в 1953–1964 гг. имеет свои особенности. Хотя во главу угла ставились все те же ленинские принципы большевистской печати, однако, как писала «Правда», «после XX съезда КПСС массовое движение рабочих и сельских корреспондентов вступило в полосу нового подъема» [1, с. 1]. Ленинская формула «газета – это не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор» была руководящей в деятельности не только внутри каждого печатного органа, но и в системе различных коммуникационных связей вокруг газет, радио и ТВ.

В определении рабселькоровского движения прежде всего хотелось бы обратить внимание на два важных, с нашей точки зрения, момента исторического характера. Во-первых, это «общественно-политическое движение трудящихся, активно участвующих в работе большевистской печати» [2, с. 880]. Позже:

«в СССР выступления в печати, по радио и телевидению рабочих, колхозников, специалистов, одно из проявлений трудовой и политической активности советских людей» [3]. Во-вторых, рабселькоровское движение, основанное на общественной инициативе и самодеятельности, рассматривалось как проявление «развернутого, до конца последовательного социалистического демократизма, как проявление той действительной, неограниченной свободы печати, которой пользуются в Советской стране все трудящиеся...» [2, с. 881]. Зародившись в дореволюционный период по установке В.И. Ленина, который считал, что ни одна рабочая газета не может существовать как политический орган и приносить пользу пролетариату, «...если она не черпает жизненной силы из тесной связи с рабочими массами» [4, с. 458], рабселькоровское движение претерпело в своем развитии несколько качественно разных этапов. Если на I Всесоюзном совещании рабкоров количество делегатов было всего 42 рабселькора, представлявших 17 крупных газет страны, на II совещании – 353 делегата от 100 тысяч рабселькоров, на III совещании – 580 человек от 250 тысяч. К 1931 году армия рабкоров и селькоров достигла трех миллионов человек [5, с. 9]. К 1960 году в работе газет, журналов радиовещания и телевидения были задействованы более пяти миллионов рабочих, колхозников и представителей интеллигенции [5, с. 35]. Подобная уникальная массовость «народной» журналистики объясняется прежде всего тем, что развивающейся советской печати была необходима связь с широкой массовой аудиторией. Такую связь можно было получить, только задействовав в деятельности средств массовой информации и пропаганды представителей вышеуказанной аудитории.

Интересно, что феномен «рабселькоры», отражая социальный состав корреспондентов с мест, фактически подтверждал то, какое особое положение занимали в советском обществе рабочий класс и сельские труженики, что отражалось и на тематике основных материалов того времени. Власть активно интересуется реальной обстановкой на местах, при этом «прямо толкая рабселькоров на путь доносительства» [6, с. 77–87], что, соответственно, не могло не вызвать негативного отношения к рабселькорам в обществе. Постепенно складывается стереотипный образ рабселькора, страдающего (даже в качестве жертвы убийства) за правду. По мнению исследователя В.А. Скребнева, формирование «позитивного образа жертвы, мученика, внедряемое в сознание рабоче-крестьянских корреспондентов, находилось в русле общих тенденций эпохи с ее культом жертв революции». Он отмечает, что уже в конце 30-х годов XX в. этот образ меняется. Дело в том, что с наступлением Великой Отечественной войны актуальными стали совершенно другие темы. Одна часть рабселькоров ушла воевать, другая была привлечена в качестве фронтовых корреспондентов.

В хрущевский период власть вновь решила обратиться к помощи рабселькоровского движения, которое в послевоенное десятилетие фактически пришлось реанимировать. Прежде всего, это произошло благодаря благоприятной внутривластной обстановке. Прекращение массовых репрессий, ликвидация ГУЛАГа, реабилитация и освобождение репрессированных граждан, развенчание культа И. Сталина, знаменитый доклад Н. Хрущева «О культе личности и его последствиях» и т. д. – все это вселило в людей веру и надежду на лучшее, ощущение духовной свободы и своего значительного вклада в строительство

будущего. Атмосфера «оттепели» в обществе в первую очередь отразилась на настроениях интеллигенции, почувствовавшей потепление во взаимоотношениях с властью. Начало подготовки экономической реформы, основанной на большем признании товарно-денежных отношений, стимулировало возобновление научных дискуссий экономистов и философов, научных семинаров, создание студенческих клубов (интернациональной дружбы, любителей фантастики и самодеятельной песни, КВН), активизацию деятельности различных творческих союзов.

«XX съезд, осудив культ личности Сталина, <...> сделал крупный шаг к раскрепощению способности общества к самопознанию», – пишет П. Волобуев [7, с. 313]. Р. Пихоя, говоря о реформах в СССР после смерти Сталина, также делает акцент на том, что первые же признаки ослабления давления идеологического пресса сначала породили надежду на потепление отношений с властью у интеллигенции, а затем последовали изменения в политическом сознании всего общества [8, с. 85–168]. Раскрепощенность духа, духовная свобода предполагали свободу высказывания на самые животрепещущие темы – на собраниях, конференциях, в средствах массовой информации и пропаганды. Всенародное объединение в русле сотворчества, счастье самоотверженного труда на благо Родины – эти настроения и нашли отражение в «народной» журналистике, развитие которой жестко контролировалось партией. Лозунг «Летопись страны пишет сам народ» осуществлялся в разветвленном рабселькоровском движении, которое использовалось партией и государством как «удобная и эффективная мобилизационная форма упрочения партийных идей» (см. [9, с. 22–23]).

Рассмотрим, кто же в то время являлся рабкорами и селькорами на примере газеты «Советская Татария», которая в хрущевский период создала огромную рабселькоровскую сеть. Очевидно, что внештатный актив этой газеты в первую очередь состоял из редакторов районных и стенных газет, секретарей райкомов и партбюро предприятий, заведующих клубов и библиотек, директоров сельских школ, пропагандистов и агитаторов, членов обществ по распространению политических и научных знаний. Работа агитатора и пропагандиста зачастую предусматривала не только чтение лекций перед населением, но и сотрудничество с газетами. Ставка делалась на представителей рабочих профессий среднего звена и сельскую интеллигенцию, однако по-прежнему «рабочий и крестьянка» – главные герои журналистики строящегося «коммунистического общества».

По указанию ЦК (Постановление ЦК КПСС «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати», 30 августа 1958 г.) на местах проводятся конференции, совещания, школы рабочих и сельских корреспондентов. На фоне того, что редакции многотиражных газет были, как правило, малочисленны и сотрудники физически не могли охватить все важные темы, корреспонденции рабселькоров с мест были значительным подспорьем в деятельности низовой печати. Они создавали общую картину трудового энтузиазма и эффект массовости печати. Собственно уже в названии этого постановления была дана важная характеристика этого явления, – движение рабселькоров советской печати должно быть непременно массовым.

В период хрущевской «оттепели» рабселькор, сигнализирующий о недостатках на местах, безусловно, неугоден начальству, которое стремится их скрыть. О необходимости разбирательства каждого факта травли и преследования раб-

селькоров отмечается в ряде партийных постановлений, в передовых статьях центральных газет. Для многих желание быть рабочим корреспондентом сопрягалось с активной гражданской позицией, что означало: быть в гуще событий, критиковать недостатки на производстве, в общественной и партийной работе и сразу же сигнализировать о них партийному или производственному руководству. Вдохновленные атмосферой «потепления» в обществе, последовавшего после XX съезда КПСС и разоблачения культа И. Сталина, а также реабилитацией и возвращением многих репрессированных, некоторые граждане искренне считали, что их неравнодушное мнение, своевременные сигналы с мест играют огромную роль «в строительстве коммунистического общества».

Однако почетная профессия рабселькора давала ряд преимуществ. Возможность писать о недостатках в республиканскую или центральную газету, на радио, независимо от мнения местного руководства, превращала рабселькоров в особую «касту», которая как бы находилась «над» происходящим. У этих людей постепенно складывалась иллюзия их особого положения, гарантией и защитой для них были принятые партией документы. В одном из постановлений бюро Татарского обкома партии было записано: «привлекать к строгой ответственности лиц, замалчивающих критические выступления газет и журналов, радио и телевидения, сигналы рабселькоров, не принимающих действенных мер по устранению вскрытых недостатков» (ЦГА ИПД РТ, д. 66, л. 12–18). Например, газета «Советская Татария» постоянно писала о фактах замалчивания «народной» критики и игнорирования сигналов, поступающих от рабселькоров, в своих регулярных обзорах печати и специальных страницах «Письма в редакцию» (полоса выпускалась по 3–4 раза в месяц).

Центральные газеты практиковали создание так называемых рабкоровских постов на крупных стройках страны, фактически имея в лице добровольцев «глаза и уши». Ведь начальство, рапортуя наверх, нередко замалчивало реальное положение дел. Показателен типичный случай, произошедший в августе 1960 г. во время строительства Казанского завода органического синтеза. «Рабкоровский пост «Правды» сообщает» – под такой рубрикой в газете «Советская Татария» перепечатывается материал из «Правды» [10], где пишется о задержке темпов строительства в Казани крупного химического завода из-за отсутствия необходимых железобетонных перекрытий. Рабкоровский пост центральной газеты состоит из прораба СМУ-3 треста «Химэнергострой» Г. Самойлова, старшего инспектора отдела кадров П. Кондеева, каменщицы М. Поповой и др. Реакция последовала быстро: уже 11 сентября республиканская газета на своих страницах пишет о том, что «на стройке большой химии» создан рабкоровский пост «Советской Татарии», который будет постоянно информировать о том, как ведется строительство завода. Таким образом, республиканская газета «отчиталась» перед центральной, взяв указанную стройку «под свой контроль».

Необходимо отметить, что республиканские газеты «на правах старших» постоянно курировали своих «младших собратьев» – стенные и многотиражные газеты, так как низовая печать являлась опорным пунктом рабселькоровского движения в печати. Это шефство осуществлялось с помощью различных мероприятий: обзоров газет (см. (СовТат1) и др.), подборки материалов из них (см. (СовТат2) и др.), совместных читательских конференций (см. (СовТат3)

и др.). Кроме того, нередко печатались обстоятельные корреспонденции (см. (СовТат4) и др.), посвященные разбору проблемных ситуаций, которые складывались между районными властями и газетами или руководителями каких-либо организаций и рабселькорами, посмеявшимися сигнализировать о недостатках.

Ряды рабселькоров росли с каждым годом. В качестве примера можно привести динамику рабселькоровского движения в ТАССР. Так, на состоявшейся в 1954 г. в Казани первой конференции рабочих корреспондентов Татарии присутствовали 600 делегатов, а в 1958 г. на втором съезде рабселькоров Татарии – уже более 750 человек.

3 апреля 1957 г. на бюро Татарского обкома КПСС был заслушан отчет о работе редакции газеты «Совет Татарстаны» с внештатным авторским активом. Отмечая ряд недостатков, бюро обкома обязало редакцию газеты улучшить работу с авторским активом: регулярно проводить совещания рабселькоров, читательские конференции, чутко относиться к письмам трудящихся, настойчиво добиваться действенности сигналов (ЦГА ИПД РТ, д. 74, л. 11–13). Только за 1956 год в газету «Совет Татарстаны» поступило 12 тысяч 497 писем, из них 5 тысяч 646 использовано на страницах газеты. 1 тысяча 607 неопубликованных писем было направлено в различные организации для проверки и принятия мер. В большинстве этих писем сообщалось о злоупотреблениях в системе потребительской кооперации (148 писем), о недостатках в работе сельских политпросветов и школ (327 писем), недостатках в медицинском обслуживании на селе (46 писем), о колхозных фермах (34 письма), о неисправных дорогах (35 писем) и т. п. (ЦГА ИПД РТ, д. 39, л. 7–9). Собкоры газеты совместно с райкомами партии и местными редакциями провели 5 районных, 26 кустовых совещаний селькоров и членов редколлегий стеновых газет, на которых обсуждались вопросы о задачах низовой печати и селькоров по выполнению решения XX съезда КПСС.

К 1960 году во многих редакциях уже были созданы внештатные отделы (например, при районной газете в г. Бугульме – внештатный нефтяной отдел), общественные советы, рабселькоровские посты, проводились массовые рейды по проверке тех или иных партийных решений. Во многих колхозных, совхозных, ведомственных, а также районных радиопунктах работали общественные радиоредакции. В 1961 г. Правление Союза журналистов Татарии проводит специальный однодневный семинар заведующих внештатными отделами газет Бугульмы, Аксубаевского и Октябрьского районов. Такие отделы были созданы практически во всех городских и районных газетах республики. Во многих редакциях работали советы рабселькоров. Регулярно проводились кустовые семинары и совещания по обмену опытом работы внештатных отделов и советов рабселькоров. В Казани и других городах Татарии работали семь школ рабкоров, в которых занимались более 250 человек. В 1958 г. принимается Постановление ЦК КПСС «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати», вслед за ним – Постановление Татарского ОК КПСС «О мерах по дальнейшему усилению рабселькоровского движения». Как отмечалось в последнем, «...партийные комитеты и редакции газет еще слабо руководят рабселькорами, не заботятся о привлечении к участию в газетах широкого круга людей, работающих непосредственно

на производстве. Этому не способствуют также укоренившееся в ряде мест бюрократическое отношение к критическим письмам трудящихся, попытки зажима критики» [11].

В 1960 г. принимается Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии общественных начал в советской печати и радио» (ЦГА ИПД РТ, д. 39, л. 7–9), в 1963 г. – Постановление бюро Татарского обкома КПСС «О мерах дальнейшего улучшения руководства рабкоровским движением в республике». О необходимости развития рабселькоровского движения, общественных начал в деятельности СМИ говорилось и в других партийных документах. Горкомам и райкомам КПСС совместно с редакциями газет, журналов и комитетом по радиовещанию и телевидению рекомендовалось «создавать при редакциях нештатные отделы и общественные советы, вводить в состав редколлегий передовых рабочих, колхозников, активных партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников. Систематически привлекать рабселькоров к подготовке статей для газет и журналов, радио-телевизионных передач, а также к проверке писем трудящихся» (ЦГА ИПД РТ, д. 73, л. 39–41).

Необходимо отметить, что с развитием радиовещания рабселькоры используются и в подготовке радиопрограмм. Если в 1953 г. народных корреспондентов при республиканском радио и общественных радиоредакциях насчитывалось 175 человек (для сравнения: количество работников радио по республике – 55,5), то в 1958 г. их стало уже 486 (58 штатных сотрудников), а к 1 января 1963 г. – 1125 человек (295,5 штатных сотрудников) (НАРТ, д. 144, л. 29–37).

Радиокомитет выпускал на общественных началах специальный радиожурнал для женщин и студентов. Здесь необходимо отметить, что районные радиоредакции, как правило, существовали на общественных началах или за счет ресурсов районных газет, материалы которых нередко дублировались на радио. Выступления в радиоэфире секретаря райкома или председателя колхоза, передовой доярки или агронома с конкретными рекомендациями, например, по выращиванию кукурузы, заметно оживляли эти передачи.

Более малочисленным оказалось присутствие рабселькоров на телевидении: в 1959 г. – 130 (на Казанской студии работает 52 человека), на 1 января 1963 г. – 225 (80,5 чел.) сотрудников. «Обязать Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров ТАССР с участием партийных, советских, общественных организаций и творческих союзов создать общественные редакционные советы по отдельным видам и направлениям радиовещания и телевидения», – такое решение было принято на бюро Татарского обкома партии после обсуждения (24 июля 1962 года) важного постановления Секретариата ЦК КПСС от 6 июня 1962 года «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения» (ЦГА ИПД РТ, д. 73, л. 39–41).

Если в первых республиканских передачах «главными действующими лицами» экрана были дикторы, то в последующем зрители смогли видеть таких же, как они, рабочих, колхозников, учителей. Только за первый месяц 1960 года в эфире татарского телевидения выступили 5 рабочих, 10 колхозников, 4 инженера, 3 писателя, 3 ученых, 4 номенклатурных работника (НАРТ, д. 407, л. 627).

Редакцией промышленных передач организуются выступления рационализаторов (из комбината «Спартак», заводов РТИ и «Сантехприбор»), членов

бригад коммунистического труда, участников движения автоматизации производства. Только за первый квартал 1960 года в передачах этой редакции выступили 39 передовиков промышленности и инженерно-технических работников.

Однако на телевидении, в отличие от газет и журналов, можно было чаще увидеть корреспондентов из числа городской интеллигенции. Объяснить это можно двумя обстоятельствами. Во-первых, первыми зрителями республиканского ТВ были городские жители. И, во-вторых, если для публикации в газетах материалы рабселькоров подвергались обязательной редакции, то специфика телевизионного вещания и отсутствие магнитной записи (все программы шли «в прямом эфире») предъявляли особые требования к выступавшим на ТВ (внешность, культура речи, стиль поведения и т. д.).

Еще одной формой участия общественных энтузиастов на телевидении было привлечение в начале 60-х годов XX в. к подготовке телепередач кинолюбителей. «В последнее время в Казани появилось много людей с личными киносъёмочными аппаратами, – пишет в производственной справке, датированной 4 марта 1961 г., М. Долгов. – Их нужно искать, учить и сделать из них помощников телевидения. Они своими работами могли бы намного оживить передачи последних известий» (НАРТ, д. 352, л. 12). О возможности использования кинолюбительских съёмок сообщалось и в рецензии редактора Главного управления по местному вещанию Гостелерадио СССР на «Последние известия» Казанской студии телевидения за июль – сентябрь 1962 г. Эта рецензия стала не только реакцией на указания партии о развитии общественных начал на телевидении, но и выходом из критического положения, создавшегося на Татарском телевидении (отсутствие достаточного количества киноматериалов, статичный характер новостных выпусков).

Роль внештатных авторов была велика и при введении цикловых передач в программу государственного телевидения Татарии. На заседании Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров ТАССР 8 сентября 1960 г. (НАРТ, д. 392, л. 31) была принята развернутая программа организации цикловых передач на Казанской студии телевидения. С этого момента предусматривались такие обязательные циклы, как ежемесячный телевизионный журнал «Здоровье» с созданием общественной редакции при горздраве и Доме санитарного просвещения, ежемесячное кинообозрение «По нашему городу», ежемесячная передача «“Чаян” на телевидении», регулярные передачи «Ответы на вопросы телезрителей» и т. д. В эти же годы большой популярностью пользовалась музыкальная передача «По вашим письмам».

Чтобы иметь постоянную связь со своей аудиторией, Казанская телестудия в рассматриваемый период несколько раз проводила конференции с телезрителями: очные и заочные (по письмам). Первая очная конференция состоялась 1 апреля 1960 г. (НАРТ, д. 406, л. 3–10). На конференции прозвучали следующие актуальные вопросы: Каково соотношение передач на татарском и русском языках? Где можно увидеть опубликованную программу телепередач? Не поможет ли телецентр с ремонтом телевизоров? На них отвечал председатель Комитета по телевидению и радиовещанию М.Ф. Долгов, давший обещание, что телецентр возьмет шефство над ателье телевизоров. Следует отметить, что к августу 1960 г. в республике их насчитывалось уже около 20 тысяч, остро

стояла проблема отсутствия запчастей, особенно к телевизорам «Енисей» и «Старт-2» [12].

К сожалению, в 60-е годы XX в. количественный учет почты на студии не велся, поэтому мы не можем судить о динамике количественных показателей. Можно лишь предположить, что писем приходило в студию много, ведь это был период, когда казанские зрители начали открывать для себя возможности телевидения. Рост читательской почты стал одним из побудительных мотивов для создания на Казанской телестудии в I квартале 1963 г. отдела писем за счет внутренних ресурсов (НАРТ, д. 11, л. 4). Это был отклик Татарского телевидения на Постановление Секретариата ЦК КПСС от 6 июня 1962 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения» [13, с. 545].

Обком партии считал письма своего рода барометром настроений масс. Справки о количестве писем от телезрителей, использовании их в передачах регулярно подавались в сектор по телевидению и радиовещанию. Замечания в адрес Казанской студии телевидения тщательно разбирались, в том числе на заседаниях бюро обкома партии.

Широкомасштабная программа по дальнейшему развитию рабселькорского движения была представлена в Постановлении бюро Татарского Обкома КПСС «О мерах дальнейшего улучшения руководства рабкорским движением в республике». К тому времени в Татарии насчитывалось уже более 6 тысяч рабкоров, и в Постановлении подчеркивалась «их роль в решении важнейших народнохозяйственных, политических задач». В качестве примера можно привести уникальный случай, когда на одном только жиркомбинате им. Вахитова издавались 20 цеховых стенгазет и ежедневная общезаводская стенгазета «Вахитовец».

Однако при всех положительных тенденциях местные партийные органы считали не совсем достаточными предпринятые на местах усилия по развитию «народной» журналистики и призывали «разработать конкретные мероприятия, направленные на повышение роли рабкоров, редколлегий многотиражных и стенных газет в борьбе за выполнение производственных планов и задач, поставленных XXII съездом партии, ноябрьским и июньским Пленумами ЦК КПСС» (ЦГА ИПД РТ, д. 62, л. 6–11). Особое внимание в этом документе уделяется необходимости организации учебы рабселькоров и редакторов стенных газет: создаются университеты и школы рабкоров в сети партийного просвещения, семинары активистов печати, заочная школа рабселькоров газет «Социалистик Татарстан» и «Советская Татария». По мере развития профессиональной журналистики повышается уровень требований и к деятельности рабселькоров.

Необходимо подчеркнуть, что работа рабселькором могла стать первой ступенькой в дальнейшей журналистской карьере. «Наиболее активных рабселькоров, проявивших способность к журналистской деятельности, необходимо выдвигать на постоянную работу в редакции местных и центральных газет и журналов», – писала в своей передовице «Правда» [1, с. 1]. И действительно, многие из рабселькоров, обладавшие хорошими литературными способностями, впоследствии становились профессиональными журналистами и писателями.

Однако идеологическая подготовка рабселькоров нередко шла в ущерб профессиональной, и эта традиция была заложена еще на первых этапах развития рабселькорского движения. Показательна следующая цитата из письма

М.И. Ульяновой к рабселькорам, разосланного осенью 1927 г.: «Мы просим каждого рабочего и работницу писать в “Правду”. Для нас важно не то, как написана корреспонденция, а то, о чем написана, что в ней содержится. Поэтому в каждом письме приводите больше фактов, примеров, дословных выражений рабочих и проверенных цифр. Старайтесь каждый вопрос прощупать поглубже, выяснять мнение товарищей, послушать, что говорит об этом большинство рабочих, особенно коренные, более сознательные и опытные рабочие» [14, с. 19]. Долгое время ориентиром в обучении журналистов было высказывание И. Сталина: «Некоторому минимуму техники журналистики обучать их, конечно, надо. Но основное не в этом. Основное в том, чтобы они выработали в себе чутье журналиста-общественника, без которого корреспондент не может выполнить свою миссию и которое не может быть привито какими-либо искусственными мерами обучения...» (цит. по [15, с. 40]).

Надо отметить, такая позиция имела место и в отношении рабочих и сельских корреспондентов, а также тех журналистов-самоучек, которые вырастали из рабселькоров в редакторов районных и республиканских газет. Подобная практика в период хрущевской «оттепели» была очень распространенной. Как справедливо отмечают социологи Л.Г. Свитич и А.А. Ширяева, редакции комплектовались людьми, мало знакомыми с издательским делом, сотрудников выбирали главным образом по партийному стажу и социальному происхождению [16, с. 65] (см. также [17, с. 114–118]).

Р.Г. Пихоя в своей книге «Советский Союз: история власти» приводит интересные оценки печати тех лет. «Пресса состоит из проходимцев и приспособленцев», – говорил в своем выступлении на закрытом партсобрании в Теплотехнической лаборатории АН СССР младший научный сотрудник Ю.Ф. Фролов [8]. «Смотреть и читать противно... слишком все перенасыщено идеями и идеями», – это мнение участников партсобрания одной из крупных строек того времени – Куйбышевской ГЭС [8, с. 148].

Низкий профессиональный уровень газет того периода, особенно районных и заводских многотиражных, – тема, которая не раз поднималась на кузовых совещаниях редакторов газет Поволжья, которые многократно обращались в Москву с просьбой обеспечить их профессиональными кадрами. Именно в 50-е годы XX в. начинает формироваться университетская система подготовки журналистов. Как отмечают авторы монографии «Журналистское образование: взгляд социолога» Л.Г. Свитич и А.А. Ширяева, на годы хрущевской «оттепели» пришелся особенно бурный рост новых отделений и факультетов журналистики (открылись отделения и факультеты в Воронежском, Дальневосточном, Иркутском, Казанском, Кишиневском, Ростовском и других университетах) [16, с. 21]. Открытие отделения журналистики в Казанском университете в 1962 г. стало настоящим событием для СМИ Поволжья, которые сразу же восприняли это отделение как кузницу журналистских кадров.

Однако и в вузах особое предпочтение отдавалось людям со стажем работы на производстве, ими фактически пополняли интеллигенцию. Этот ракурс позволяет несколько по-иному взглянуть на массовость рабселькорского движения. В. Сперанский пишет: «На гуманитарные специальности без двухлетнего производственного стажа абитуриенты не допускались, на технические и естест-

венные выпускникам школ выделялось только 20% (в реальности зачастую меньше) студенческих мест. Попавшие в вуз в обязательном порядке в течение первого года работали на “рабочих местах”, то есть фактически первый курс был вечерним. Таким образом “пролетарское прошлое” приобретали все выпускники вузов» [18, с. 25]. Об этом же читаем у С. Волкова: «В 1958 г. было принято положение о преимущественном зачислении в вузы так называемых производственников, или “стажников”, – лиц, проработавших на производстве не менее двух лет, действовавшее весь период хрущевского правления. Практически дело было поставлено таким образом, что “стажники” зачислялись по мере подачи заявления, экзамены для них были формальностью, поскольку их доля в плане приема составляла до 80%. Это, однако, вызвало столь катастрофическое падение уровня подготовки специалистов, что власти были вынуждены отказаться от столь быстрого прорыва к стиранию граней между физическим и умственным трудом, и в 1965 г. этот принцип был отменен. Но и после этого стаж наряду с другими льготами оказывал заметное влияние на вероятность поступления» [19, с. 281].

Таким образом, энтузиастами «народной журналистики» «разбавлялись» ряды журналистов из потомственной интеллигенции. В этом также прослеживается определенная традиция в воспитании рабселькоров, заложенная еще в послереволюционные годы: «На мой взгляд, армия рабкоров и селькоров – это будущая значительнейшая сила нашей страны, все это – кандидаты в интеллигенцию», – писал в 1927 г. М. Горький. – Не в ту, конечно, которая, устращась размаха пробужденных к жизни волей, бежала из России и проклинает ее или, оставшись в ней, тихонько и злобно шипит, видя плохое, но не желая видеть хорошего» [20, с. 199]. «Вы, селькоры, – будущая деревенская интеллигенция, та сила “от земли”, которая должна будет до корней реформировать весь быт, весь хозяйственный обиход деревни и духовно, и психически связывать ее с городом во единую и действительно революционную силищу» [21, с. 198].

Однако уже к концу 1956 г. появляются первые признаки «изморози» в отношении ко всем представителям творческих профессий. Отмечалось влияние и нового фактора – воздействия на общественное сознание мнений амнистированных и реабилитированных граждан, среди которых были люди, «злобно настроенные против Советской власти, особенно из числа бывших троцкистов, правых и буржуазных шовинистов» [8, с. 144–146]. В 1957 г. ужесточается надзор Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Люди привлекались к суду или заключались в спецпсихбольницы за то, за прослушивание и пересказывание иностранных передач, искренние высказывания против существующей власти и письма в газеты, содержащие критику этой власти, за сочинение стихов «вольного» содержания и т. д. (см. [22]). Страх вновь поселился в душах людей, и газеты все больше и больше получали анонимных писем, которые в большинстве случаев не рассматривались или передавались в соответствующие органы.

Надежды интеллигенции были связаны с потеплением отношений с властью в первые годы «оттепели», однако по мере ужесточения мер идеологического контроля сошли на нет. В то же время получило новое развитие рабселькоровское движение, в котором выразилась искренняя потребность людей непосредственно

участвовать в событиях, происходящих в народном хозяйстве, общественной жизни. Однако выступления рабселькоров, как и профессиональных журналистов, в большей степени касались производственных вопросов и в меньшей – партийной системы и вышестоящих партийных руководителей, потому что это становилось опасным. В то время как массовое развитие рабселькорской журналистики всячески поощрялось властями, потомственная интеллигенция находилась в опале. Журналисты, представлявшие политизированную интеллигенцию, были подручными партии и не могли выступать против ее устоев.

Рабселькоровское движение не только помогало укреплять связь партийных СМИ с аудиторией, но и представляло собой огромную разветвленную сеть своего рода «агентов», которые не только сигнализировали о недостатках, но и определенным образом влияли на местную ситуацию. Рабселькоры были одним из звеньев большой пропагандистской машины. Если в начале периода хрущевского правления «народные» корреспонденты были искренними выразителями настроения масс после XX съезда КПСС и разоблачения культа И. Сталина, то впоследствии их энтузиазм и вера в справедливость политики партии и советского государства значительно убавились.

Summary

R.V. Dautova. Society Mobilization around Mass Media during “Khrushchev Thaw”.

The article views different factors having influenced the development of regional and Russian journalism during “Khrushchev thaw”. Particular attention is given to “rabselcorr movement” as a form of society mobilization around mass media and to the development of so-called “public basics” in journalism. Comparative characteristics of freelance reporter participation in press, on TV and radio are shown on the example of Tatarstan autonomous republic media activity. Conclusion is made about thoroughly planned out ideological mechanism of communist party control over society by means of mass media.

Key words: rabselcorr movement, public basics, party press, freelance TV and radio reporters, rabselcorr post, readers conferences, lower and regional press reviews, rabselcorr meetings, letters to editor, contact with broad audience.

Источники

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). – Ф. 15. – Оп. 38. – Д. 74.

ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 41. – Д. 39.

ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 43. – Д. 62.

ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 43. – Д. 66.

ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 44. – Д. 73.

Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). – Ф. Р-4493. – Оп. 1. – Д. 352.

НАРТ. – Ф. Р-4493. – Оп. 1. – Д. 392.

НАРТ. – Ф. Р-4493. – Оп. 1. – Д. 406.

НАРТ. – Ф. Р-4493. – Оп. 1. – Д. 407.

НАРТ. – Ф. Р-4493. – Оп. 2. – Д. 11.

НАРТ. – Ф. Р-4921. – Оп. 2. – Д. 144.

- СовТат1 – Михайлов В., Спаская А. Низовая печать и вопросы идеологической работы // Сов. Татария. – 1956. – 12 янв.; В общих фразах толку мало // Сов. Татария. – 1956. – 20 янв.; Вопросы экономики – в центр внимания // Сов. Татария. – 1956. – 25 мая; Ежедневные газеты (обзор газет Юдинского района) // Сов. Татария. – 1958. – 3 авг.; Без знания дела // Сов. Татария. – 1958. – 12 сент.; По страницам газет. Обзор // Сов. Татария. – 1958. – 28 сент.
- СовТат2 – По страницам газет (газеты-эстафеты «Локомотив» и передвижной стенгазеты «Наш гудок») // Сов. Татария. – 1956. – 3 июня; Рабселькоровский актив растет (из районных газет «Голос колхозника» и «Колхозчы тавышы» Мамадышского района) // Сов. Татария. – 1958. – 3 сент.
- СовТат3 – Конференция читателей (читательская конференция в Набережных Челнах – журнала «Коммунист Татарии» и районных газет «Знамя коммунизма» и «Коммунизм байрагы») // Сов. Татария. – 1958. – 13 июля; Говорят читатели (читательская конференция в Альметьевске – газеты «Советская Татария» и городской газеты «Знамя труда») // Сов. Татария. – 1958. – 26 июля.
- СовТат4 – Ибрагимов С. Стенная газета строительного участка // Сов. Татария. – 1956. – 11 янв.; Газета растеряла актив // Сов. Татария. – 1956. – 4 марта; Малов А. Закрыть газету (о Муслимовском райкоме партии и районной газете «Колхоз байрагы» // Сов. Татария. – 1958. – 23 июля; Яфизов А. Чутко относиться к сигналам печати // Сов. Татария. – 1958. – 21 сент.

Литература

1. Улучшить руководство рабселькоровским движением // Правда. – 1958. – 3 сент.
2. Рабселькоровское движение // Большая советская энциклопедия: в 65 т. / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М.: ОГИЗ, 1940. – Т. 47. – С. 880–881.
3. Рабселькоровское движение // Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1979. – С. 1102.
4. Ленин В.И. К современному положению в РСДРП // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 441–465.
5. Люди высокого долга: Сб., посв. 50-летию I Всесоюз. совещ. рабкоров и журн. «Рабоче-крестьянский корреспондент». – М.: Правда, 1974. – 432 с.
6. Скребнев В.А. Стереотипы жертвенности и доноительства как факторы существования рабселькоровского движения // Тр. каф. истории и философии Тамб. гос. техн. ун-та: Сб. науч. ст. – СПб.: Нестор, 2005. – Вып. 3 – С. 79–89.
7. Волобуев П. Мужество самопознания // Уроки дает история / Под общ. ред. В.Г. Афанасьева, Г.Л. Смирнова. – М.: Политиздат, 1989. – С. 308–320.
8. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000 – 684 с.
9. Стровский Д.Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2002. – 43 с.
10. Наша стройка нуждается в помощи // Правда. – 1960. – 21 авг.; Советская Татария. – 1960. – 23 авг.
11. Советская Татария. – 1958. – 19 февр.
12. Ганеев И. Телевизор попал в ателье // Сов. Татария. – 1960 – 25 авг.
13. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. – М.: Мысль, 1972. – 635 с.
14. Еришов Д.А. Большой друг рабселькоров. – М.: Красный пролетарий Госполитиздата М-ва культуры СССР, 1959. – 98 с.

15. *Талавов В.П.* Журналистское образование в СССР. – Л: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 58 с.
16. *Свитич Л.Г., Ширяева А.А.* Журналистское образование: взгляд социолога / Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: ИКАР, 1997. – 240 с.
17. *Орлов Ю.Ф.* Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. – М.: Аргументы и факты, 1992. – 349 с.
18. *Сперанский В.* Власть и российская интеллигенция: между антипатией и обожанием // Власть. – 1997. – № 6 – С. 23–29.
19. *Волков С.* Интеллектуальный слой в советском обществе. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – 250 с.
20. *Горький М.* Письмо Ю. Чибисову // М. Горький о печати: Сб. ст. и писем. – М.: Госполитиздат, 1962. – С. 199–200.
21. *Горький М.* Письмо Н.Н. Нарбекову // М. Горький о печати: Сб. ст. и писем. – М.: Госполитиздат, 1962. – С. 198–199.
22. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991: аннотированный каталог / Под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко; сост. О.В. Эдельман. – М., 1999 – 944 с.

Поступила в редакцию
05.12.08

Даутова Резеда Вагизовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории практики электронных средств массовой информации Казанского государственного университета.

E-mail: RVagiz@yandex.ru